

Над головой Чэн Юя мысленно завис огромный знак вопроса.

Он ведь выразился предельно ясно, и Тань Чжаотянь, казалось, всё понял. Так с какого перепугу опять всплыло это «ты мне нравишься»?

«Бро? Дружбан? Это шутка такая?»

Чэн Юй скептически приподнял брови, разглядывая сидящего напротив мужчину.

Однако Тань Чжаотянь мгновенно пошёл на попятную:

— Хорошо, не будем об этом.

Сговорчивости ему было не занимать. Чэн Юй даже растерялся — начни он сейчас читать нотации по второму кругу, показался бы занудой.

Он расслабился и с явным любопытством спросил:

— И что же тебе во мне нравится? Моё лицо? — Чэн Юй привык говорить прямо и трезво оценивал себя: — Будем честны, внешность — моё единственное весомое достоинство.

Окажись на месте Тань Чжаотяня кто-то другой, наверняка пустился бы в лицемерные комплименты, восхваляя его богатый внутренний мир. Но тот лишь прямо встретил его взгляд и совершенно искренне ответил:

— Ну, признаю, сначала я действительно запал на твою внешность. Ты безумно красив, потому я и влюбился с первого взгляда.

Чэн Юй лишился дара речи.

«Да ладно? Мы же договорились! Как он ухитряется признаваться в любви через слово?»

Он снова недоумённо изогнул бровь.

Заметив это, Тань Чжаотянь тут же спохватился:

— И это говорить нельзя?

— Говорить можно, — Чэн Юй вздохнул, — но без этих твоих признаний.

Тань Чжаотянь на секунду задумался. Чэн Юй понял, что тот искренне пытается сообразить, в какой именно фразе перегнул палку.

— Например, слово «влюбился», — подсказал он.

— Понял. Больше не буду, — послушно пообещал мужчина. С ним было на удивление легко договориться.

Чэн Юй вернулся к сути разговора:

— Если дело только в обёртке, то в мире полно привлекательных людей. Уверен, ты быстро... — он сделал неопределённый жест рукой, давая понять, что собеседник без труда найдёт ему замену, а затем веско добавил: — Я принципиальный одиночка. Ни к кому ничего не чувствую, будь то мужчина или женщина. Не завожу романов и тем более не планирую связывать себя узами брака.

Он сделал паузу, чтобы слова дошли до собеседника, и подытожил на английском:

— Отношения для меня — это категорическое no way.

«Всё понял?» — красноречиво вопрошал его взгляд.

Тань Чжаотянь молча смотрел на него.

— Мне кажется, ты неплохой парень, — видя его молчание, продолжил Чэн Юй. — Если ты переориришь или переключишься на кого-то другого и начнёшь относиться ко мне проще, мы могли бы стать приятелями.

— Нет, — наконец подал голос Тань Чжаотянь. — Дружить мы не будем.

Чэн Юй лишился слов.

Он уже начал понимать: Тань Чжаотянь говорит мало, но всегда бьёт в самую суть. Впервые в жизни Чэн Юй сам предложил дружбу и получил столь категоричный отказ.

Он вежливо, натянуто улыбнулся и кивнул:

— Что ж, ладно. Тогда покончим с ужином и больше не побеспокоим друг друга.

Тань Чжаотянь, не сводя с него пристального взгляда, спокойно возразил:

— С моим отношением к тебе я просто не смогу притворяться обычным другом. Я хочу ухаживать за тобой.

Чэн Юй положил ладонь на стол в открытом жесте:

— Повторяю: я принципиальный одиночка. Я не приму твоих ухаживаний. Не трать время попусту, это безнадёжно.

— Давай попробуем? — предложил Тань Чжаотянь.

— Тут и пробовать нечего, — искренне и твёрдо отрезал Чэн Юй. — Я своего мнения не изменю.

В этот момент официант принёс первые блюда, прервав их спор. Чэн Юй с удовольствием переключил внимание на еду.

Когда они вновь остались одни, Тань Чжаотянь кивнул на тарелки:

— Сначала поедим.

Чэн Юй не возражал. Он взял палочки, попробовал первый кусочек и мысленно похвалил повара.

«А ведь действительно вкусно!»

Решив разбавить напряжённую атмосферу светской беседой, он поинтересовался:

— Слушай, а как тебе удалось забронировать здесь столик? Я слышал, сюда практически невозможно пробиться. Мой друг пытался несколько раз, но безуспешно — говорят, всё расписано на полмесяца вперёд.

Тань Чжаотянь только сейчас взял палочки и невозмутимо посмотрел на него:

— Это моё заведение.

Чэн Юй завис.

— А... — до него наконец дошло. — Так это твой ресторан? Ну тогда понятно.

Он покачал головой, не скрывая удивления:

— У тебя, оказывается, столько разного бизнеса. Настоящий крупный босс.

Тань Чжаотянь положил немного закуски в свою пиалу, отложил палочки и, оперевшись локтями о край стола, в упор посмотрел на Чэн Юя.

— Будешь со мной — всё это станет твоим, — обронил он совершенно будничным тоном.

— Кхм! — от такой внезапности Чэн Юй мгновенно поперхнулся.

— Осторожнее, — Тань Чжаотянь протянул ему бумажную салфетку.

Приняв её, Чэн Юй прокашлялся, вытер губы и замахал руками:

— Спасибо, не надо.

Он посмотрел на мужчину — искренне, серьёзно и с лёгким оттенком немого изумления:

— Свой бизнес держи при себе, пожалуйста.

Пока Чэн Юй возвращался к еде, Тань Чжаотянь продолжил презентацию:

— В финансовом плане я крепко стою на ногах.

«Ого, пошла самореклама», — мысленно усмехнулся Чэн Юй.

Он лениво приподнял взгляд, сохраняя непринуждённый тон:

— Допускаю, что я не так богат, как ты, но на жизнь мне более чем хватает.

Это был вежливый, но твёрдый отворот-поворот.

Тань Чжаотянь больше не притрагивался к еде, продолжая сверлить его глазами:

— У меня никогда не было отношений. Если бы ты согласился дать мне шанс...

Чэн Юй наставил на него палочки для еды, словно призывая остановиться, и повторил:

— Я. Принципиальный. Одиночка.

— Тогда дай мне шанс просто поухаживать за тобой, — мгновенно перестроился Тань Чжаотянь.

— Но смысл? — Чэн Юй пожал плечами, отправляя в рот очередной кусочек. — Даже если ты будешь ухаживать, я всё равно отвечу отказом. Зачем попусту тратить время?

Тань Чжаотянь тут же уцепился за лазейку:

— Значит, ухаживать мне не запрещено?

Чэн Юй замер с палочками в руках.

Все его прежние ухажёры обычно действовали напролом: засыпали цветами, устраивали сюрпризы, абсолютно не интересуясь его мнением. Кому вообще придёт в голову спрашивать разрешения? Это ведь личное дело того, кто пытается завоевать чужое сердце. Все по умолчанию считают это своим суверенным правом и не ждут одобрения со стороны объекта симпатии.

А Тань Чжаотянь взял и спросил.

Чэн Юй во все глаза уставился на него, искренне недоумевая:

— Чтобы ухаживать за мной, тебе нужно моё согласие?

Ситуация казалась абсурдной. Тань Чжаотянь — взрослый, успешный мужчина, рулит кучей бизнесов, дураком его точно не назовёшь. И тут такие вопросы.

— Да, — серьёзно кивнул тот. — Я не хочу вызывать у тебя раздражение.

— Ты меня не раздражаешь, — покачал головой Чэн Юй.

«Более того, ты ведёшь себя куда достойнее всех моих прошлых кавалеров».

— Значит, я могу за тобой ухаживать? — тут же зашёл на новый круг Тань Чжаотянь.

Чэн Юй завис.

Он прожевал еду и со вздохом произнёс:

— Слушай, давай без этого. К чему эти бессмысленные телодвижения? Всё равно ведь ничего

не выйдет.

— Попытка не пытка, — упрямо стоял на своём мужчина.

Разговор завертелся по спирали.

— Но я же ясно сказал: я одиночка!

— У тебя есть какие-то конкретные опасения? — спросил Тань Чжаотянь. — Или я просто не подхожу под твои критерии?

— Дело вообще не в тебе, — Чэн Юй терпеливо разжевывал аналогию: — Понимаешь, это моё внутреннее состояние. Дело во мне, а не в том, каков ты. Представь, что я ем исключительно яблоки, а ты настойчиво предлагаешь мне попробовать апельсин.

— Я могу стать яблоком, — без тени сомнения выдал Тань Чжаотянь.

Чэн Юй поперхнулся воздухом.

«И как, интересно?»

— А если бы мне нравились исключительно женщины, ты бы тоже «сменил сорт»? — с иронией поинтересовался он.

Тань Чжаотянь на мгновение завис, а затем с предельной серьёзностью уточнил:

— Тебе нравятся женщины?

Чэн Юй не дал себя запутать:

— Мне никто не нравится. Ни мужчины, ни женщины. И в яблоко ты не превратишься, ты — это ты.

— И всё же я попробую, — мягко, но непреклонно резюмировал собеседник.

Чэн Юй мысленно вздохнул. Похоже, какие бы доводы он ни приводил, Тань Чжаотянь уже всё для себя решил.

К их столику снова подошёл официант. Дождавшись, пока тот расставит новые тарелки и удалится, Чэн Юй заговорил предельно жёстко:

— Мой ответ — нет. Если я не даю согласия, ты ведь не станешь навязываться?

Он решил раздавить эту надежду в зародыше, чтобы закрыть вопрос раз и навсегда.

— И у меня нет ни единого шанса? — тихо спросил Тань Чжаотянь.

— Именно так, — Чэн Юй равнодушно пожал плечами.

Раз уж тот сам спросил разрешения, логично было выдать категорический отказ и спать спокойно.

Тань Чжаотянь замолчал. Он взял палочки и принялся медленно, с задумчивым видом жевать.

Глядя на него, Чэн Юй внезапно почувствовал укол совести. Странное ощущение: грозный, суровый с виду мужчина выглядел сейчас так, словно его незаслуженно обидели. И Чэн Юй чувствовал себя виновником этой безмолвной драмы.

Спустя минуту Тань Чжаотянь снова отложил палочки и поднял на него прямой, пронзительный взгляд тёмных глаз:

— Я всё-таки попытаюсь за тебя побороться.

Чэн Юй продолжал жевать, но внутри него что-то дрогнуло. Всё-таки первое впечатление о Тань Чжаотяне было слишком хорошим, чтобы так просто вычеркнуть его.

Секунда колебания... две... три...

Вдруг Чэн Юю пришла в голову забавная мысль, и он с усмешкой предложил:

— Давай так: если следующее блюдо окажется на нашем столе в течение тридцати секунд, я разрешу тебе...

Договорить он не успел. Из-за соседнего столика внезапно поднялся мужчина и с невозмутимым видом водрузил перед Чэн Юем две дымящиеся тарелки.

Чэн Юй онемел от изумления.

«Что за?..»

Незнакомец виновато глянул на Тань Чжаотяня:

— Шеф.

Тань Чжаотянь смерил его ледяным взглядом, в котором читалось однозначное: «Исчезни».

Мужчина тут же развернулся, юркнул обратно за свой столик и принялся усердно орудовать палочками, всем своим видом показывая, что его здесь вообще не стояло.

Чэн Юй переводил взгляд с тарелок на соседа, чувствуя себя героем абсурдной комедии.

«Серьёзно? Откуда здесь взялся этот рояль в кустах?»

Тем временем Тань Чжаотянь как ни в чём не бывало выпрямился и указал на свежепринесённые блюда:

— Меньше тридцати секунд. Ты сказал «следующее блюдо» — вот оно.

Чэн Юй лишился дара речи.

«И ведь не подкопаешься!»

Он не выдержал и рассмеялся — тихо, обречённо, качая головой.

— Ладно, — сдался он. — Ладно, твоя взяла.

Чэн Юй не привык отказываться от своих слов и всегда держал слово, даже в таких глупых спорах.

Кивнув в сторону соседнего стола, он спросил:

— Твой приятель?

— Нет, впервые вижу, — не моргнув глазом, соврал Тань Чжаотянь.

Стоило ему это произнести, как «незнакомец» спешно вытер рот салфеткой, вскочил из-за стола и пулей вылетел из зала.

Чэн Юй проводил его взглядом, а затем медленно повернулся к Тань Чжаотяню и выразительно приподнял бровь: «Ты меня за дурака держишь?»

Тань Чжаотянь не выдержал и усмехнулся — дерзко, открыто и чертовски обаятельно. Эта улыбка мгновенно стёрла с его лица всю суровость.

Глядя на него, Чэн Юй тоже невольно улыбнулся. Его первоначальный скепсис уступил место искреннему веселью.

— Ты всегда ужинаешь с группой поддержки? — поинтересовался он, всё ещё пытаясь разгадать личность сбежавшего.

— Это один из парней, которые присматривают за заведением, — пояснил Тань Чжаотянь. — Узнал, что я забронировал здесь столик, и решил пристроиться неподалёку — чисто из любопытства.

— «Один из парней»? — Чэн Юй это определение показалось забавным.

— Ну да, мой младший.

— Твой названный брат?

— Нет, просто мой подчинённый. Шестёрка, если угодно.

Чэн Юй знал это слово исключительно по старым гонконгским боевикам про мафию, поэтому не удержался от вопроса:

— Ты что, из этих... из триад?

Тань Чжаотянь усмехнулся:

— Да бог с тобой, нет конечно. Кручусь в полулегальном бизнесе, но черту не переступаю. Никакого криминала.

«Подчинённый так подчинённый, зачем называть его "шестёркой"? Хотя, с другой стороны, "подчинённый" в таком контексте звучит ничуть не лучше», — подумал Чэн Юй.

— Раз уж мы договорились, — прервал его мысли Тань Чжаотянь, — я приступаю к активным действиям.

— Ладно, валяй, — со вздохом согласился Чэн Юй.

Ему самому было непривычно так легко сдавать позиции. Но, поразмыслив, он решил не делать из этого трагедию. Тань Чжаотянь разительно отличался от его прежних назойливых ухажёров.

Пусть попробует.

Желающих завоевать его расположение всегда хватало, одним больше, одним меньше — какая разница? По крайней мере, Тань Чжаотянь не вызывал у него глухого раздражения. А уж как бы тот ни старался, Чэн Юй останется верен своим принципам. В своей стойкости он не сомневался ни на секунду.

— Убери эти две тарелки, — Чэн Юй кивнул на незваное угощение. — Мы их не заказывали.

Тань Чжаотянь молча переставил лишнюю еду обратно на соседний стол.

В глубине души он ликовал, и на его губах сама собой играла довольная ухмылка.

<http://bllate.org/book/19969/1990707>